

Цзянь Цзянь было шагнул вслед за Лань Цзыцзюнем, но не успел сделать и шага, как Хуа Тянь ухватил его за руку и притянул обратно:

— Вы куда это собрались?

— С каких это пор мы должны перед тобой отчитываться? — холодно бросил Лань Цзыцзюнь и, не дожидаясь ответа, увёл Цзянь Цзяня за собой.

— Я с вами, — встревоженно буркнул Хуа Тянь. Спихнув тело Сюй Байли на руки Чжун Ли, он поспешил следом за уходящими.

Чжун Ли лишь удручённо покачал головой. Поудобнее перехватив безжизненное тело, он послушно двинулся сзади.

Поблуждав по извилистым переходам, они спустились в сырой и мрачный подвал. Хуа Тянь невольно передёрнул плечами от могильного холода — он и подумать не мог, что в Подземном царстве есть подобные места.

— Заходи, — Лань Цзыцзюнь легонько подтолкнул Цзянь Цзяня к дверям одной из комнат. Настороженный Хуа Тянь проскользнул за ними.

Небольшая пустая комната встретила их зловещим безмолвием. Посреди неё высился гроб из тёмного дерева. По углам тускло мерцали четыре свечи; их огоньки испуганно метались от малейшего дуновения, заставляя тени присутствующих плясать на серых стенах, точно уродливые паяцы. Тяжёлая древесина гроба местами уже подгнила, а в воздухе отчётливо пахло затхлостью и тленом.

Хуа Тяня вновь затрясло. Подумать только: он, владыка Подземного царства, повелевающий мириадами душ, умудрился затрепетать от одного вида потрёпанного гроба.

Лань Цзыцзюнь обменялся с Цзянь Цзянем понимающим взглядом, и тот послушно направился к чёрной домовине.

— Погодите! Что это вы затеяли? — Хуа Тянь заступил Цзянь Цзяню дорогу, встав между ним и гробом. Дурное предчувствие подсказывало худшее: неужели Лань Цзыцзюнь решил переселить бедолагу из грязного скотного двора в этот ледяной ящик?

— Не путайся под ногами, — недовольно поморщился Лань Цзыцзюнь.

Цзянь Цзянь понял, что Лань Цзыцзюнь не станет попусту тратить слова, и поспешил заговорить сам:

— Моя душа всё ещё привязана к смертному телу, а человеческая плоть не выдержит губительного холода Подземного царства. Без защиты она быстро сгниёт. Господин Лань

просто хочет помочь мне сберечь её.

— Всё как у Чжун Ли, — добавил он для ясности. — Стоит мне захотеть вернуться в мир живых, я просто достану тело и воссоединю его с душой.

Хуа Тянь осторожно коснулся щеки Цзянь Цзяня — кожа была холодной, словно ледышка.

— Что же вы сразу не объяснили? Только зря меня перепугали!

— И зачем нам перед тобой отчитываться? — внезапно подал голос Лань Цзыцзюнь, отчего в подвале, казалось, стало ещё холоднее. — Ты кому не доверяешь — мне или Цзянь Цзяню?

Хуа Тянь тут же по-свойски приобнял Лань Цзыцзюня за плечи и примирительно улыбнулся:

— Ну что ты, как я могу вам не верить? Из чистого любопытства увязался, честное слово!

Лань Цзыцзюнь лишь недовольно фыркнул и отвернулся, сбрасывая его руку.

Цзянь Цзянь послушно лёг в гроб. Лань Цзыцзюнь сотворил заклинание, и душа юноши плавно отделилась от плоти. Миг — и из домовины выпорхнул призрачный дух. Цзянь Цзянь вновь предстал в своём истинном обличье Живого непостоянства — с густо набелённым лицом и нелепым, кричащим гримом. Вид призрака, выползающего в таком наряде из гроба, и впрямь мог до смерти напугать любого смертного.

— Сяо Цзяньцзянь, умоляю тебя, иди смой этот ужас! — взмолился Хуа Тянь, закрывая лицо руками.

Ему и думать не хотелось, что когда-то Цзянь Цзянь выглядел настолько карикатурно. И как его только угораздило влюбиться в такое чудо?

Цзянь Цзянь и сам уже не мог терпеть этот дурацкий раскрас, а потому торопливо припустил прочь из холодного подземелья.

Поняв, что никакой опасности подвал не таит, Хуа Тянь мгновенно осмелел. Он принялся праздно шататься по коридорам, без зазрения совести заглядывая во все каморки подряд и разглядывая чужие безжизненные тела с безмятежно-бледными лицами.

Но стоило ему распахнуть очередную дверь, как он едва не выпрыгнул из собственных сапог: прямо в гробу, уставившись на него пустым взором, сидел Чжун Ли.

— Да ты что, с ума сошёл?! — возмутился Хуа Тянь, хватаясь за сердце. — Решил до полусмерти меня запугать?

— Помилуйте, господин, я всего лишь пришёл уложить свою плоть на покой. Вы сами вломились без стука, — проворчал Чжун Ли, привычно устраиваясь на мягкой обивке гроба. — Ох, тяжела же аура Подземного царства... Мои старые кости прямо-таки ноют от здешнего холода.

Хуа Тянь задумчиво обошёл гроб Чжун Ли по кругу и мимоходом коснулся крышки. Рука скользнула по влажному налёту.

— Да уж, местечко паршивое, сыростью так и несет. Если тела тут сгниют или заплесневеют, что делать будем?

Чжун Ли уже приготовился расплыться в благодарной улыбке, решив, что добрый господин сжалился над ним и велит перенести его останки наверх. Однако Хуа Тянь припечатал:

— У Цзянь Цзяня плоть нежная, хрупкая. В этой промозглой дыре она мигом придет в негодность. Нужно перетащить его в сухое и чистое помещение.

Чжун Ли оставалось лишь тоскливо глядеть вслед уходящему господину. Тот вернулся в соседнюю каморку, нежно подхватил безжизненную оболочку Цзянь Цзяня на руки и понёс её прочь из подвала.

— Господин Лань, моё тело в этой гнилой яме лежит уже лет тридцать, и хоть бы кто пальцем пошевелил, — плаксиво пожаловался Чжун Ли оставшемуся в комнате Лань Цзыцзюню.

— А кто тебе виноват, что ты не ходишь в любимчиках у нашего владыки? — Лань Цзыцзюнь лишь безучастно пожал плечами, безжалостно наступая на большую мозоль старого воина.

— Чуть не забыл! — Хуа Тянь, бережно прижимая к себе спящего Цзянь Цзяня, вновь просунул голову в каморку Чжун Ли.

Чжун Ли мигом весь подобрался и наострил уши.

"Неужто и про меня вспомнил?"

— Плоть Сюй Байли сюда тоже не опускайте. Он был хилым книжником, здешняя сырость его останки в два счёта уничтожит.

Выдав ценные указания, Хуа Тянь гордо удалился, совершенно не заботясь о чувствах преданного слуги. Напоследок из глубины коридора донеслось ехидное:

— Чжун Ли, и чего ты там расселся? Живо полезай обратно, не то от здешней стужи твоя голова окончательно соображать перестанет. Она у тебя и без того не бог весть как устроена!

— Да я же... — Чжун Ли так и застыл с полуоткрытым ртом. Хуа Тянь уже вовсю топал

сапогами вверх по лестнице, не оставив ему ни единого шанса оправдаться.

— Не горюй, Чжун Ли. Ну найди себе приличное место наверху, если так хочется, — лениво попытался приободрить его Лань Цзыцзюнь.

— Обойдусь. Я парень тёртый, шкура у меня крепкая, — Чжун Ли махнул рукой и покорно растянулся на дне гроба.

Он и вправду не слишком обижался. Стал бы ветеран Подземного царства ревновать господина к какому-то новобранцу? К тому же, здешнее пристанище после всех тягот земной жизни, проведённой в вечных странствиях под открытым небом, казалось ему поистине роскошным чертогом.

У Моста Вздохов, как всегда в эти часы, бурлила жизнь — точнее, её призрачное подобие. Вереницы усопших душ нескончаемым потоком тянулись через реку.

— Ну что, бабушка Мэн, теперь-то тебе скучать некогда? — Хуа Тянь с довольной улыбкой окинул взглядом плотную толпу на мосту.

— И то верно, сынок. Работы у старой теперь — непочатый край! — радостно отозвалась Мэн-по, споро раздавая указания суевающимся призрачным воинам.

Хуа Тянь достал из-за пазухи мешочек удержания душ, где томился Сюй Байли, и осторожно приоткрыл завязки. Дух несчастного книжника пулей выскочил на волю, точно истомившийся в неволе зверёк.

— Чуть с ума там не сошёл от тесноты! — проворчал Сюй Байли.

Он хорошенько потянулся, размял призрачные плечи и ноги, возвращая себе былую лёгкость.

Очутившись на твёрдой земле, Сюй Байли не выказал ни малейшего страха перед загробным миром. Степенно заложив руки за спину, он принялся разгуливать по мосту, то и дело хватая проходящих мимо собратьев по несчастью за рукава и донимая их расспросами.

Обследовав мост вдоль и поперёк, он устремил любопытный взгляд на Мэн-по.

— Бабушка, а мне этой похлёбки плеснуть не пособишь? Ужасно пить хочется, — затараторил Сюй Байли, у которого от обилия разговоров пересохло в горле. С этими словами он без лишних церемоний потянулся к дымящейся пиале с отваром Мэн-по.

— Окстись, милоч! Этот отвар просто так не пьют, — замахала руками старуха. — Я ведь ещё не спросила, готов ли ты ступить в Круг сансары...

Она не успела закончить: Хуа Тянь бесцеремонно схватил её за локоть и увёл в сторонку.

— Бабушка, не стоит отправлять его на перерождение, — торопливо зашептал Хуа Тянь ей на ухо. — Парень он неглупый, бойкий. Я подумываю оставить его на службу здесь, у нас в Подземном царстве. Так что просто напои его похлёбкой, и дело с концом.

— Ещё чего выдумал! У меня, у старой Мэн, свои принципы есть, — сурово отрезала старуха. — Выпил отвар — изволь отправляться в путь.

За те сто с лишним лет, что она несла службу у Моста Вздохов, ей ещё ни разу не доводилось слышать столь несусветной чепухи.

— Пойми же, бабушка, я ведь о его благе пекусь! Все, кто был ему дорог в земной юдоли, развеялись прахом, их души стёрты из бытия. Если мы сейчас отпустим его в Круг сансары, он будет обречён на вечное, беспросветное одиночество из жизни в жизнь.

Хуа Тянь хорошо запомнил слова Чжун Ли: души самых близких людей связаны невидимыми нитями. Сколько бы перерождений они ни прошли, судьба раз за разом сводит их вместе, заставляя вновь делить радости и горести. Но у Сюй Байли не осталось никого — все дорогие ему люди сгинули навечно. А значит, в новой жизни его ждёт лишь сиротливое, беспросветное существование.

Хуа Тянь поведал Мэн-по все перипетии расследования и без утайки рассказал о горькой судьбе Сюй Байли. Сердце суровой старухи дрогнуло, и она наконец сдалась:

— Ну ладно, ладно... Пожалуй, старая сделает для него исключение.

<http://bllate.org/book/18412/1796501>